

как правило, давно сделанное Т. Г. Цявловской замечание, что вчерне написанное 18 января — 17 февраля 1829 г. (время возвращения Пушкина с Ал. Н. Вульфом в Петербург) стихотворение было переработано вновь в Тверской губернии осенью 1829 г. Стихи 5—10, в частности, написаны между 16 октября и концом ноября (III, 1177)².

Важное само по себе, это замечание помогает осмыслить одну существенную деталь текста. Пушкин сообщает:

Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской...
(III, 151)

Здесь следует особо комментировать слово «вампир», ибо трудно предположить, что оно использовано в своем прямом значении: кровопийца, вурдалак. Что же тогда значит это слово?

Приглядимся к сохранившимся черновым автографам этого места. Сначала было:

Хоть повесой имянован
В

Хоть меня повесой славит
Новоторжская молва —
(III, 719)

а потом Пушкин переделывает текст:

Хоть молва ловласом славит
В Новоторжке и в

Хоть ославлен <я> ловласом
В Новоторжке и в

Хоть лов<ласом> имянован
Я в губернии Тверской
(III, 720)

теньки Вельяшевой, а ее дядей, братом матери — Наталии Ивановны, урожденной Вульф.

² Очевидно, не будет большой натяжкой утверждать, что и последнее четверостишие:

Если ж нет... по прежнему следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября. —
(III, 151)

создано также осенью 1829 г. в Павловском, ибо трудно предположить, что в начале 1829 г. Пушкин твердо планировал вторичную поездку в имения Вульфов, и именно «через год». Скорее всего это «предсказание» сделано задним числом.

Ловлас — герой романа С. Ричардсона «Кларисса». Это не просто повеса, это хитрый обольститель женщин, сердцевед и сердцеед. Родственным ему героем был и Вампир.

В главе третьей «Евгения Онегина» Пушкин уже упоминал этого героя:

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жид, или Корсар,
Или задумчивый Сбогар.
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм

(VI, 56)

К этому месту Пушкин сделал примечание: «Вампир, повесть, неправильно приписанная лорду Байрону» (VI, 193). Однажды в дружеском кругу Байрон сочинил начало романа «Вампир» (1816), а его собеседник врач Дж. Полидори создал на основе этого фрагмента повесть «Вампир» (1819), приписанную Байрону. Байрон был возмущен этим и опубликовал начало своего незаконченного романа³. Вампир Байрона — Полидори и есть пожиратель женских сердец. Как сказано в тексте самой повести, он «питался жизнью прекрасной женщины, для того чтобы продлить свое существование на следующие месяцы»⁴.

Итак, молва в «губернии Тверской» называет Пушкина человеком, опасным для неопытных девушек: «повесой» — «ловласом» — «вампиром». Черновик свидетельствует, что Пушкин колебался в выборе имени: какой из созданных молвой мифов закрепить в собственной стихотворной строке? Попытаемся объяснить, что стояло за этим перебором имен. Для этого прежде всего обратимся к письмам Пушкина к А. Н. Вульфу.

27 октября 1828 г. Пушкин писал из Малинников: «Тверской Ловлас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает» (XIV, 33). Итак, Вульф — Вальмон (обольститель из романа Шодерло де Лакло «Опасные связи»), Пушкин — Ловлас. Но в письме от 16 октября 1829 г. из тех же Малинников Пушкин именуется Вульфом иначе: «Как жаль, любезный Ловлас

³ См. об этом: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. 2-е изд. Л., 1983. С. 212—213; ср. также: *Измайлов Н. В.* Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в. // Сравнительное изучение литературы. Л., 1976.

⁴ Вампир: Повесть, рассказанная лордом Байроном/С приложением отрывка из одного недоконченного сочинения Байрона; (С английского) П. К. М., 1828. С. 24.

Николаевич, что мы здесь не встретились!» (XIV, 49)⁵. Свой образ в 1829 г. Пушкин предпочитает связывать не с героем сентиментального моралистического романа Ричардсона, но с «романтическим и безнравственным» Вампиром. Вампир этот и в самом деле «задумчивый»: он «грустно очарован» красотой Катеньки — Гретхен и — более того — несмотря на свою репутацию, не смеет и не хочет тревожить ее. В образ же героини, напротив, проникают черты, разрушающие монолит «девственной красоты»: «хитрый смех и хитрый взор» (III, 151). Акценты явно смещаются.

В немалой степени причиной тому оказывается следующее обстоятельство. В 1828 г. (ценз. разр. — 15 октября) выходит в свет перевод повести Полидори с приложенным к нему наброском Байрона и со статьей о вампиризме. Перевод этот был сделан П. В. Киреевским и стал к осени 1829 г. модной книжной новинкой. Очевидно, повесть дошла и до Тверской губернии, до поместий Вульфов, — вот почему кто-то и прозвал Пушкина Вампиром.

В данной связи уместно напомнить и еще один текст, созданный также осенью 1829 г. в Павловском. Героиня «(Романа в письмах)» Лиза сообщает своей петербургской подруге Саше: «Чтение Ричардс. (она) дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внуков. Что есть общего между Ловласом и Адольфом? между тем роль женщин не изменяется. Кларисса за исключением церемонн<ых> приседаний, все же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что [способы] нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения ... а в женщинах — они основаны на чувстве и природе, которые вечны» (VIII, 47—48).

Пушкин, как видим, много думает над проблемой эпохальных ролей и масок — литературных по своему происхождению, но приживающихся в бытовой сфере, влияющих на человеческие отношения, на репутацию и даже судьбу. Вампир — вряд ли игровое прозвище Пушкина типа Red Rower (так называла его А. А. Оленина)⁶. Вампиром Пушкина скорее называли «за глаза».

К такого же типа легендам относится и сплетня, пущенная А. П. Полторацким, который, как писал сам Пушкин, «сбол<т>

⁵ Пушкин и в дальнейшем называл А. Н. Вульфа «тверским Ловласом» (XVI, 104). О характере маски Ловласа см. примечания в кн.: Пушкин. Письма. Т. II. С. 311—312.

⁶ Оленина А. А. Из «Дневника» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 84. «Red Rew» («Красный пират») — роман Д. Ф. Кулера (1828), названный по имени главного героя, «благородного разбойника», борца за независимость Америки.

нул) в Твери (?), что я шпион, получаю за то 2500 в месяц (?) (которые очень бы мнегодились благодаря крепсу) и ко мне уже являются трою(ро)дные братцы за местами (?) и за милостями (?) царскими (?)» (XIV, 266). Легенда эта отразилась в черновиках «Евгения Онегина» в изображении главного героя:

Об нем толкует
Разноречивая Молва
Им занимается Москва
Его шпионом именуется
Слагает в честь его стихи
И производит в женихи.
(VI, 497) ⁷

Достоин, впрочем, внимания, что оба текста: онегинский и «Подъезжая под Ижоры...» — относятся к 1829 г., связаны с Тверским краем и сходны по своей конструкции («вампиром именован», «шпионом именуют»). Все это наводит на мысль о типологии не только самих текстов, но и стоящих за ними прототипических ситуаций. Возможно, в именовании героя «Евгения Онегина» шпионом заключен и намек на роман Д. Ф. Купера «Шпион» (1821, рус. пер. — 1825). В этом случае параллель между Вампиром и шпионом получается полной: оба прозвища имеют двойной смысл — бытовой и литературный. А для репутации того, кто получает такое прозвище, велика опасность, как бы бытовое его значение не заслонило собой и не отменило бы смысл игровой и литературный.

Характерным примером закрепления за Пушкиным посмертной репутации, полностью игнорирующей ролевой, игровой аспект поведения, может послужить письмо Михаила Алексеевича Бакунина, племянника знаменитого анархиста М. А. Бакунина, написанное 22 апреля 1946 г. из Брюсселя родственникам С. Н. и П. М. Любачинским, проживающим под Москвой. Отвечая на вопрос Любачинских, не бывал ли Пушкин в Прямухине, родовом имени Бакуниных, М. А. Бакунин писал: «Один из Вульфов (имеется в виду Алексей Николаевич. — М. С.) был близким товарищем и другом Пушкина, который жила у Вульфов и Панафидиновых в имени Старичьего уезда и через своего приятеля Вульфа предпринимал шаги к тому, чтобы познакомиться с семьей моего деда Александра Михайловича Бакунина и приехать в Прямухину. Дед домогательства Пушкина

⁷ См. об этом: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 380.

отклонил, полагая, что знакомство с неотразимым повесой Пушкиным может оказаться опасным для его четырех дочерей»⁸.

Бакунины состояли в родстве с Вульфами: Александра Александровна (род. 1816) была замужем за Гаврилой Петровичем Вульфом, но этот брак состоялся уже в послепушкинские времена. Несмотря на семейную близость к Вульфам, весьма расположенным к Пушкину, свидетельство М. А. Бакунина явно антипушкинское. Вряд ли такое настроение явилось следствием личной оценки описываемых событий отцом Михаила Алексеевича, Алексеем Александровичем Бакуниным, так как он родился только в 1823 г. и о событиях 1828—1829 гг. мог знать лишь из чужих уст. Однако версия об отказе Пушкину («домогаательства <...> отклонил») от дома зародилась в его семье. Думается, причина этого в том, что Алексей Александрович женат на внучке И. Г. Полетика Марии Николаевне Мордвиновой, которая свято хранила портреты своей бабушки и матери⁹. Поскольку известно, что Полетика питала совершенно исключительное чувство ненависти к самой памяти Пушкина¹⁰, то естественно предположить, что она передала это чувство своей дочери и внучке. Так посмертно возвратился к Пушкину эпитет «повеса», замененный в стихотворении на литературное прозвище.

⁸ Оригинал письма хранится в семье С. Н. и П. М. Любашинских, копия его — в Тверском гос. областном музее. Благодарю Л. А. Казарскую и Г. М. Гречишкину за указание на это письмо и разрешение использовать его в своей работе. Сведения эти, кстати сказать, опровергают версию о посещении Пушкиным в 1826 г. Прямухина (см. об этом: *Вдовыкин-Чуриков Г.* Тверские маршруты поэта//Тверская жизнь. 1990. 15 сент.).

⁹ Впервые об этих трех портретах упомянул С. Ласкин (Дело Идалии Полетики)//Вопр. лит. 1980. № 6. С. 217), неверно указав место их хранения, которое уточняем: Тверской гос. областной музей. Портреты эти ранее принадлежали Илье Петровичу Циргу, внуку Алексея Александровича, сыну дочери последнего — Екатерины Алексеевны.

¹⁰ См.: Рус. арх. 1911. Т. 1. № 1. С. 176.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ

Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
1995